

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Чихарев И.А., Столетов О.В.

DOI: 10.7256/2305-560X.2015.1.11479

МЯГКАЯ СИЛА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Аннотация: В данной статье ставится проблема определения наиболее перспективной внешнеполитической стратегии для России на современном этапе эволюции мировой политики. В первой части статьи рассматривается международно-политический и интеллектуальный контекст формирования научных концепций «мягкой силы» и «разумной силы», анализируется российская специфика их восприятия. Во второй части исследования авторы обращаются к анализу «мягкой силы» и «разумной силы» в качестве международно-политических стратегий государств. Структурируя эти стратегии, авторы соотносят их со стратегиями «жесткой силы» и «умной силы». Ресурсы, инструменты и цели каждой из указанных четырех стратегий анализируются и сравниваются между собой. В третьей части статьи авторы рассматривают несколько конкретных кейсов успешного использования «разумной силы» во внешней политике России. В результате проведенного рассмотрения авторы приходят к выводу, что государства, конкурирующие за мировое лидерство, обладают возможностью выбора одной из рассмотренных четырех стратегий. Проведенный анализ показывает, что стратегия «разумной силы» отвечает запросам современной мировой политической системы наилучшим образом. Она позволяет государству действовать в мировой политике в качестве «ответственного лидера», а не «манипулятора», формировать более устойчивую мировую систему принятия коллективных решений, решать задачи глобального развития посредством инновационных и гибких, но стратегически продуманных подходов.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Россия, «Мягкая сила», стратегии, «жесткая сила», «умная сила», «разумная сила», «ответственное лидерство», безопасность.

В последнее время российские политики, ученые и эксперты стали вновь активно обращаться к проблематике «мягкой силы». Сам термин «мягкая сила» обсуждается уже более 20 лет, со времени его введения Джозефом Наем¹, и прошел несколько «пиков» популярности и в России, и за рубежом.

В американском интеллектуально-политическом сообществе всплески интереса к термину и стоящим за ним реалиям можно связать с флуктуациями в динамике американского лидерства. Возникнув сразу после окончания холодной войны, этот концепт отразил надежды на окончание тяжелого периода конфронтации, военно-силового противостояния двух сверхдержав, переход к более гибким моделям международной конкуренции. Возвращение к проблематике мягкой силы в конце 90-х-начале 2000-х можно связать с разочарованием итогами первого десятилетия «однополярного момента», фрустрацией «одинокой сверхдержавы», так и не сумевшей стать «привлекательным» гегемоном². Наконец, интерес к теме, вновь проявив-

шийся в 2006-2008 гг., может быть объяснен компенсаторными механизмами, сработавшими после неоконсервативного периода внешней политики США, отягощенного крупными военными операциями и беспрецедентными репутационными потерями в новейшей истории Соединенных Штатов.

За пределами США категория «мягкой силы» получила широкое распространение в концептуальных построениях и стратегических инициативах прежде всего новых претендентов на лидерство в мировой политике – Европейского союза³, Китайской народной республики⁴, Индии⁵. Можно

³ Song L. The Discourse of EU's Power and its Mediterranean Policy // Fudan University. – P. 1 – 15. – www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/phd_school/6th.../Lilei.pdf

⁴ Cui Liru China's Rise vs. International Order Evolution // China Institutes of Contemporary International Relations. – № 18 (1), 2008. – http://www.cicir.ac.cn/tbscms/module_gjgx/layernext.asp?rid=xdgigx_en&count=3&index0=16&index1=1; Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полит. Политические исследования. – №4, 2009. – С. 149 – 155.

⁵ Raghavan V.R. Soft Power in the Asia Pacific // The Stanley Foundation, 31.05.2007. – csa-chennai.org/Files/softpower.pdf; Shashi Tharoor Indian Strategic Power: 'Soft' // Global Brief, 13 May, 2009. – <http://globalbrief.ca/blog/2009/05/13/soft-is-the-word/>

¹ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. – 336 p.

² Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004. – 192 p.

утверждать, что концепция «мягкой мощи» стала одной из наиболее популярных и в международно-политическом дискурсе, и в практике борьбы за власть и влияние на международной арене последних двух десятилетий.

Российские приливы интереса к проблематике «мягкой силы» имеют иную хронологию и природу, лишь отчасти повторяя зарубежную интеллектуальную историю концепта. В 1990-е гг. термин интересовал только американистов и специалистов по теории международных отношений – для практического приложения «мягкой мощи» не существовало ни политической воли, ни ресурсов. Предметный интерес к теме проявляется в конце 90-х-начале 2000-х гг. прежде всего в контексте переориентации внешнеполитического курса на проблемы формирования позитивного образа государства – соответствующий приоритет появился и в Концепции внешней политики. Это вызвало значительный рост количества исследований, посвященных мягкой силе, ее различным аспектам. С этого времени данная тематика заняла прочные позиции в российском международно-политическом контексте, однако и на фоне достаточно устойчивого интереса к ней можно отметить всплеск внимания в начале президентства Д.А. Медведева (вторая половина 2008 г.) С одной стороны, он произошел под влиянием озабоченности российского интеллектуально-политического сообщества негативным для России информационным фоном грузино-югоосетинского конфликта и операции по принуждению к миру. С другой – был инспирирован инновационным, коммуникабельным и информационно-технологичным стилем нового президента. В этот период времени американские и российские подходы к основным международным проблемам вступили в очередной кратковременный резонанс – как говорилось выше, администрация Обамы также обновляла стиль и концептуальное оснащение американского лидерства.

В этот период времени в американских интеллектуально-политических кругах развивается и концепция “smart power”, предусматривающая сочетание ресурсов и инструментов «мягкой» и «жесткой силы». За достаточно редким исключением⁶ исследования концепта и феномена smart power в нашей стране развития пока не получили.

⁶ Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? // Полис, 2009, №4; Чихарев И.А. “Умная мощь” в арсенале мировой политики // Международные процессы, 2011, №1

Вместе с тем этот концепт и основанная на нем стратегия стали, по сути, следующим этапом в развитии понимания категорий власти и влияния в мировой политике и применении новых международно-политических технологий на практике.

Однако во второй половине президентств Медведева и Обамы (2010-2012 гг.) вновь начинают преобладать «жесткая» риторика – в основном, на фоне активного силового вмешательства западных стран в события «Арабской весны» и продолжающегося строительства нового позиционного района противоракетной обороны США. Парадоксально, но именно этот период, в который, по сути, уже формулировалась международная повестка нового российского президентства, оказался определяющим для сегодняшних интерпретаций «мягкой силы». Как отмечает В.В. Путин в статье «Россия и меняющийся мир», «в ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» – комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств»⁷. Безусловно, кандидата в президенты России беспокоили в тот момент не только судьбы североафриканских и ближневосточных политических режимов, против которых применялся инструментарий «мягкой силы» – существенное международное давление, осуществляемое за счет «мягких рычагов» (публично-дипломатических и сетевых кампаний, поддержки извне некоторых оппозиционных движений) испытывал и сам российский политический режим. Характерно, что в статье инструменты «мягкой силы» характеризуются как «противоправные». После победы на президентских выборах В.В. Путина такая «обличительно-оборонительная» трактовка сменяется более конструктивной и «проактивной» – инструменты «мягкой силы» планируется теперь широко использовать в российской внешней политике. Во многом под влиянием официального дискурса возрастает внимание к теме со стороны экспертного и научного сообщества.

Сегодняшний интерес к нежестким методам международного влияния в России видится оправ-

⁷ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27.02.2012.

данным и своевременным. Безусловно, арсенал средств «мягкой мощи» в последнее время существенно видоизменился и расширился, главным образом, за счет сетевых и других новых технологий. Она все чаще является определяющим ресурсом воздействия современных государств и негосударственных акторов на международные процессы. Россия обладает рядом конкурентных преимуществ в этой области, включая элементы историко-цивилизационного наследия (русский язык как язык международного общения, культурные достижения всемирного значения, уникальный и универсально значимый ценностный комплекс православной традиции), и новые разработки (профильные организационные структуры государственного и негосударственного типов – «Россотрудничество», Фонд «Русский мир»; распространение русского языка и отечественных интернет-проектов в глобальной сети, зарубежное вещание российского англоязычного канала, организация в России событий, имеющих общемировую значимость – Олимпиады, Чемпионата мира по футболу, крупнейших международных дипломатических форумов).

Однако сегодняшняя популярность концепта «мягкой власти» в России сопряжена с некоторыми рисками и противоречиями. Главным можно назвать то, что «на вооружение» принимается понятие, появившееся в совершенно иной политико-культурной среде и само по себе являющееся результатом международного влияния США. Оно изначально отчасти призвано послужить легитимации американского лидерства в мире и в целом закрепляет американскую систему координат в понимании ценностей и логики развития мировой политической системы.

Иными словами, говоря о мягкой силе как инструменте внешней политики, мы сразу начинаем с заимствования, попадаем в дискурсивные условия, задаваемые конкурентом. Второй риск связан с тем, что данное заимствование частично уже утратило актуальность – термин появился более 20 лет назад. Если российская внешняя политика претендует на участие в формировании международной повестки дня, такой архаизм сам по себе вряд ли продуктивен. Третья проблема заключается во фрагментарности понимания самого концепта и стоящих за ним реалий в российском обществе – его целостного восприятия пока не сложилось.

Но содержательно главный риск обусловлен, конечно, не в «возрастом» термина, а опытом, накопленным в сферах его концептуализации и прак-

тического применения за последние десятилетия. Прежде всего, международные реалии однозначно показывают, что делать ставку только на невоенные инструменты в современном ремилитаризирующемся мире – опасно. Ключевой проблемой в формировании мирополитической стратегии современных субъектов мировой политики является сочетание мягких и жестких инструментов. В частности, именно эта задача явилась центральной в построении внешнеполитической стратегии администрации Барака Обамы. Несмотря на значительные интеллектуальные, информационные и идеологические усилия, эта стратегия, получившая название стратегии «smart power», едва ли успешно достигает своих целей. Многие международные партнеры США, возможно, еще более негативно оценивают американскую внешнюю политику, сочетающую уверенность о «перезагрузке» с активным применением военных, односторонних или манипулятивных технологий, чем прямолинейную и силовую, но в связи с этим более понятную и предсказуемую мирополитическую линию неоконсерваторов. Поэтому проблема сочетания современных инструментов власти и влияния на международной арене в рамках эффективной стратегии остается актуальной и в теории, и на практике.

С учетом этого в данной статье анализируется понятие и стратегия «мягкой силы» в ее соотношении с другими категориями, отражающими власть и влияние в мировой политике – концептами «жесткой силы», «smart power» («умной силы»), и так называемой «разумной силы». Последнее понятие в настоящий момент находится лишь в самой начальной стадии разработки и обсуждения в научных кругах, однако его учет видится актуальным и перспективным в формировании самостоятельной мирополитической стратегии России.

В рамках предлагаемой нами типологии представляется возможным выделить четыре типа силы: «мягкая сила» («soft power»), «жесткая сила» («hard power»), «умная сила» («smart power»), «разумная сила» («intelligent power»).

Мягкая сила: ресурсы, инструменты, стратегии

Стратегия «мягкой силы» впервые была четко осмыслена и сформулирована на уровне политологической концепции в 1990 году, когда профессор Гарвардского университета США Дж. Най опубликовал книгу «Обязанный лидировать. Изменение природы американской власти». Книга Дж. Най

предвосхитила такую важную веху в трансформации инструментов мирополитического влияния как война в Персидском заливе и освещение этой войны американским международным телеканалом CNN. Можно считать, что это событие положило начало качественным трансформациям власти и влияния в мировой политике.

«Мягкая сила» основывается на таких ресурсах как культурно-ценностная привлекательность, привлекательность национально-государственной экономической модели развития, привлекательность политической модели.

Культурно-ценностная привлекательность как ресурс «мягкой силы» базируется, в современных условиях, на распространении массовой культуры. Инструментами продвижения культурно-ценностной привлекательности являются создание торговых сетей фаст-фуд с национальной кухней на территории других государств, распространение в мире своего популярного кино, продвижение на зарубежные рынки определенных национальных товаров. «Мягкая сила» может проявляться через инструментарий продвижения популярной музыки, популярного дизайна. Важным инструментом использования ресурса культурно-ценностной привлекательности являются PR-технологии и рекламные технологии, применяемые в международной сфере. Особое значение имеет создание и продвижение торговых и иных национальных брендов. Для наиболее эффективного продвижения брендов задействуются возможности международного теле- и радиовещания. Инструментом продвижения культурно-ценностной привлекательности также могут быть крупные спортивные мероприятия, организуемые государством, например, Олимпийские игры, Чемпионат мира по футболу, Универсиада.

Еще один инструмент связан с продвижением вовне национального языка⁸. Как правило, такое продвижение осуществляется посредством специально созданных для этого структур. Это могут быть международные организации языкового сотрудничества, общественные организации, международные культурно-образовательные центры, неправительственные организации и т.д.

Ресурс привлекательности политической модели, как правило, реализуется при помощи таких инструментов как официальная дипломатия, меж-

дународные СМИ, публичная дипломатия. В рамках официальной дипломатии могут создаваться международные организации, в том числе экономические и военно-политические, многосторонние межгосударственные переговорные площадки, различного рода международные форумы, клубы и т.д. Ресурс публичной дипломатии реализуется главным образом в форме работы некоммерческих организаций, в формате проведения международных конференций, студенческих обменов и т.п.

Ресурс национально-государственной экономической модели развития может быть задействован государствам посредством следующих инструментов: реализация крупных инфраструктурных проектов, в том числе и за пределами своих государственных границ, активное участие в деятельности международных финансовых институтов. Сюда также следует отнести готовность страны оказать экономическую помощь нуждающимся государствам.

Следует отметить, что в настоящее время стратегия «мягкой силы» дополняется «жесткими» составляющими. Например, представляется возможным отнести к «мягкой силе» военно-техническое, военно-образовательное сотрудничество, военную дипломатию, а также демонстрацию военной мощи в форме военных учений⁹.

Стратегия «мягкой силы» призвана оказывать воздействие на сознание как основной массы населения, так и политической и экономической элиты соответствующего государства. При этом стратегия «мягкой силы» в действительности содержит в себе составляющую «жесткости», связанную с навязыванием изначально чуждых стандартов. Другой вопрос, что объект воздействия далеко не всегда способен отдать себе отчет в том, что выбор, который он делает, не является в полной мере свободным выбором.

Результатом реализации стратегии «мягкой силы» должно стать формирование благоприятного внешнеполитического окружения для заинтересованного государства. При этом каких-то четких акцентов в плане определения внешнеполитических союзников стратегия «мягкой силы» не делает. Есть общая установка – воздействовать на внешнеполитическое поведение всех государств, на которых возможно оказывать воздействие, склоняя их к тем или иным международно-политическим шагам.

⁸ Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. – № 10, 2004. – http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm

⁹ Nye J.S. The war on soft power // Foreign policy, 12.04.2011. – http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/04/12/the_war_on_soft_power

Специфика стратегии «мягкой силы» состоит в том, что она ориентирована на достаточно долгосрочную перспективу. При этом сам Дж. Най говорит о том, что далеко не всегда воздействие данной стратегии оказывается достаточно эффективным, и приводит пример Ким Чен Ира, который любил смотреть голливудские фильмы, однако, это никак не отражалось на готовности КНДР пойти на уступки в отношении собственной ядерной программы¹⁰.

«Жесткая сила»: ресурсы, инструменты, стратегия

«Жесткая сила» базируется на таких ресурсах как военно-промышленный комплекс государства, характерный для «войн пятого поколения» (контактные войны), эффективность специальных служб, возможности по установлению экономических санкций в отношении тех или иных государств.

Основными инструментами реализации военно-промышленного потенциала в международно-политическом измерении являются: развитие обычных видов вооружения, совершенствование возможностей ядерного противостояния. Формирование системы противоракетной обороны на различных уровнях международной системы, создание военных баз в стратегически значимых точках мира также следует отнести к инструментам «жесткой силы». Проведение контртеррористических операций за рубежом, односторонних военных действий, гуманитарных интервенций, операций по принуждению к миру также следует рассматривать в качестве инструментов «жесткой силы».

Говоря о ресурсе специальных служб, мы подразумеваем как непосредственно специальные службы, занимающиеся внешней разведывательной деятельностью, так и те специальные службы, которые занимаются контрразведкой. Осуществляя сбор интересующей информации, специальные службы задействуют весь имеющийся в их распоряжении набор средств: вербовка агентов, похищение информации, прослушивание, шпионаж и т.п. В числе инструментов «жесткой силы» в этом контексте можно также назвать промышленный шпионаж. Важным аспектом деятельности спецслужб на современном этапе является не только сбор интересующей информации о деятельно-

сти международно-политических контрагентов, но также и предотвращение утечек информации государственной важности в международные СМИ, третьим лицам и т.п. В случае, если такая неконтролируемая утечка происходит, специальные службы стремятся в самые сжатые сроки блокировать доступ к такого рода закрытой информации. Сегодня в условиях глобализации с реализацией этой функции возникают значительные сложности.

Важным инструментом «жесткой силы» являются экономические санкции в отношении определенных государств. К такого рода санкциям следует отнести эмбарго на экспорт товаров из определенной страны или импорт в указанную страну, запрет на финансовые операции с определенной страной или компанией, представляющей данную страну. Следует отметить, что экономические санкции могут приниматься в различных форматах, либо в одностороннем порядке, либо в рамках соответствующего решения Совета безопасности ООН. Однако, в обоих случаях можно говорить о том, что данный ресурс является «жестким».

Следует сказать, что система санкций не ограничивается исключительно торговой сферой. Санкции могут применяться и в дипломатической сфере. Например, могут устанавливаться специальные списки, запрещающие въезд на территорию данного государства определенным лицам. В качестве одного из последних примеров использования такого инструмента «жесткой силы» можно назвать Акт Магнитского, принятый в США в декабре 2012 года.

Стратегия «жесткой силы» в чистом виде не преследует цели добиться расположения других государств – потенциальных союзников. В данном случае правота государства, обладающего наибольшей «жесткой силой», обусловлена самим фактом комплексного «жесткого» могущества данного государства. Другие государства, которые, возможно, в какой-то мере и симпатизируют указанному государству-гегемону, тем не менее, главным образом вынуждены подчиняться его решениям.

Иногда значительные ресурсы «жесткой силы» могут не использоваться по своему прямому назначению, однако, на них могут ссылаться как на значимый аргумент в принятии внешнеполитических решений другими государствами. Таким образом, «жесткая сила», даже становясь инструментом международно-политического давления либо шантажа, от этого не становится менее «жесткой». Основной посыл стратегии состоит в принуждении других контрагентов к определенным действиям.

¹⁰ Nye J. S. The future of power. – New York: PublicAffairs, 2011. – P.13-14.

«Умная сила»: ресурсы, инструменты, стратегия

Говоря о соотношении стратегий «мягкой силы» и «умной силы» как отрефлексированных феноменов мировой политики, следует отметить, что стратегия «умной силы» хронологически возникает позже. Стратегия «умной силы» начала осмысляться лишь в 2004 году. Тогда Дж. Най опубликовал работу «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике». Почти одновременно с ним Дж. Наем С. Носсель опубликовала статью «Умная сила»¹¹. С этого времени можно говорить о начале комплексной научной рефлексии стратегии «умной власти». Продолжением рефлексии стратегии «умной власти» мы считаем предложение Дж. Наем концепта «кибер-власти» («cyber power»)¹².

Если же рассматривать возникновение «умной силы» в мирополитическом контексте, то необходимо отметить, что появление этого типа силы мы можем связывать с рубежом конца 1990-х годов и начала 2000-х годов. Именно в этот период времени мировая политическая система сталкивается сразу с несколькими значимыми и во многом качественно новыми вызовами. Во-первых, после 11 сентября 2001 года начинается всеобщая война с международным терроризмом. Во-вторых, охват интернета становится в полной мере глобальным и достигает критически значимой точки. Это приводит к тому, что интернет начинает выполнять совершенно новую социальную функцию. Интернету в глобальном масштабе начинают доверять ту информацию, которая ранее являлась исключительно конфиденциальной. В качестве примера можно назвать появление так называемых виртуальных финансов. В-третьих, происходит очередная трансформация во внешней политике США – Соединенные Штаты переходят к политике так называемых «превентивных ударов». Такого рода удары наносятся по Афганистану (с санкции Совбеза ООН), а также по Ираку.

К основным ресурсам «умной силы» мы относим сетевые интернет ресурсы политической мобилизации, информационные ресурсы, кибернетический потенциал, валютно-финансовые ресурсы, потенциал системно организованного интеллектуального производства в интересах государства.

¹¹ Nossel S. «Smart Power» // Foreign Affairs. – Volume 83. – No. 2, March-April, 2004. P. 131-142.

¹² Nye J.S. Cyber power // Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs. – May, 2010. – <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/cyber-power.pdf>

Инструментами использования сетевых ресурсов политической мобилизации являются социальные сети, блоги. С помощью этих инструментов определенные государства стремятся осуществлять манипулирование социальными процессами. Речь может идти о манипулировании общественным мнением отдельных групп населения других государств посредством целенаправленного вброса в социальные сети определенной информации. Интернет ресурсы могут быть использованы для поддержки радикальной оппозиции в государствах-контрагентах, поддержка террористических формирований на территории других государств. Например, это может происходить в том случае, если серверы, на базе которых функционируют сайты такого рода организаций, находятся за пределами тех государств, в которых они ведут дестабилизирующую деятельность.

Информационный потенциал «умной власти» на технологическом уровне проявляется в способности осуществлять информационную войну, в первую очередь, через глобальную сеть, но также и через систему международного теле- и радиовещания. Для этого под определенным ракурсом собирается, анализируется и комментируется информация, касающаяся тех или иных внешнеполитических и внутривнутриполитических событий. В определенных случаях можно говорить о целенаправленной утечке конфиденциальной информации. Данная технология направлена уже не на определенные целевые группы в пределах государств, против которых осуществляется воздействие, но на широкое общественное мнение в мире в целом. Тем самым достигается мобилизация мнения глобального гражданского общества и простых граждан различных государств.

Кибернетический потенциал может быть реализован с помощью таких инструментов как кибервойска и киберополчение. Кибервойска представляются собой специально созданные подразделения в рамках вооруженных сил, которые обеспечивают кибернетическую безопасность ключевых объектов. Киберополчение может формироваться под конкретные задачи, в том числе, из числа продвинутых хакеров, действующих либо самостоятельно, либо посредством специально созданных интернет-вирусов или ботов. Конкретным проявлением «умной силы» являются, например, хорошо известные сегодня DoS-атаки на ключевые информационные, технологические каналы и узлы связи на территории других государств.

Применительно к валютно-финансовому потенциалу государств инструментально представля-

ется возможным говорить о так называемых валютно-финансовых войнах, протекционистских войнах. В условиях, когда большинство государств мира являются членами ВТО, протекционистские войны возникают все чаще. Проявляется это, в частности, в том, что все большее количество государств прибегает к увеличению количества ограничительных мер в сфере торговли. Валютные войны проявляются в политике различных государств, направленной на занижение обменного курса своих национальных валют. В результате происходит снижение реальной стоимости национальной валюты, далее происходит снижение стоимости экспорта, что приводит к увеличению его объемов.

Потенциал системно организованного интеллектуального производства в интересах государства проявляется в выстраивании цепочек связей между государственными органами, транснациональными корпорациями, научно-исследовательскими центрами, действующими как слаженный механизм. Данный механизм занимается производством гуманитарного, естественнонаучного, технического знания в интересах государства и создает конкретные пилотные модели в качестве результата своих исследований, а затем внедряет их в международно-политическую практику.

Возможности для реализации стратегии «умной силы» возникают в условиях перехода современной мировой политической системы к эпохе так называемых «войн шестого поколения». Целью войн данного типа является разгром бесконтактным способом военного и экономического потенциала любого государства на любом удалении от противника¹³. При этом не преследуется цель нанести непоправимый ущерб живой силе противника, сопоставимый с тем ущербом, который наносился в эпоху войн предыдущего поколения. Разрушение систем политического и военного управления делает дальнейшее сопротивление армии бессмысленным и приводит к капитуляции. Само по себе участие солдат в такого рода войнах постепенно сводится к минимуму. Целый ряд боевых функций выполняют самолеты-беспилотники, специальные роботы. Особое место в бесконтактных войнах занимают спутниковые системы глобального позиционирования.

Стратегия «умной силы» направлена на удержание доминирования, в то же время ее нельзя назвать стратегией на завоевание лидерства. Ре-

зультатом стратегии «умной силы» на практике становится не повышение международно-политической стабильности и не решение задач глобального устойчивого развития, но в значительной мере, наоборот, нарастание геополитических рисков¹⁴. В частности, это происходит потому, что чрезмерная виртуализация мировой политики, которая является следствием использования стратегии «умной силы», размывает все основные принципы организации международной жизни. Это приводит к тому, что градус взаимного недоверия между государствами все больше нарастает.

Стратегия «умной силы», таким образом, не снимает противоречия между реалистским и либеральным подходами к мировой политике и международным отношениям. В рамках реализации стратегии «умной силы» лишь декларируется многосторонность принимаемых решений и значимость укрепления международных институтов. На практике либеральная риторика лишь более изощренным образом маскирует реалистские установки государства, которое реализует такую стратегию. Другие же государства, определяемые как союзники, на практике продолжают рассматриваться исключительно как средство достижения целей государством, стремящимся к сохранению доминирования. В этом контексте, например, заявления руководства США о переходе к политике многосторонности, на практике означали лишь стремление Соединенных Штатов переложить часть своего бремени на другие государства.

«Разумная сила»: ресурсы, инструменты, стратегия

Теоретическое становление стратегии «разумной силы» для государства связано с работой научного семинара в пакистанском университете Карачи в 2010 году. Тем не менее, как нам представляется, на данном семинаре данный концепт был лишь намечен, но в полной мере не отрефлексирован¹⁵. В данной статье делается попытка продолжить рассмотрение концепта «разумной силы», а также отчасти уточнить его понимание.

¹⁴ Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. – №3/4 (1632), 2012. – С.43 – 59.

¹⁵ Костырев А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования. – №2, 2013. – С. 143-149.

¹³ Фененко А.В. Войны шестого поколения // Международная жизнь. – №2, 2004. – <http://www.obraforum.ru/pdf/art1.pdf>

К ресурсам «разумной силы» следует отнести: научно-исследовательский потенциал, инновационно-технологический потенциал, потенциал информационно-интеллектуальной защищенности, потенциал дискурсивного влияния, потенциал глобального проектирования.

Инструментами научно-исследовательского потенциала являются научная деятельность ведущих национально-исследовательских университетов, «фабрик мысли». Указанная деятельность проявляется в форме дискурсивного влияния. Примерный уровень дискурсивного влияния может быть определен посредством оценки уровня цитируемости профессоров университетов и исследовательских центров данного государства, а также посредством определения места национальных образовательных учреждений в международных рейтингах.

В инновационно-технологический потенциал гуманитарной направленности мы включаем, в том числе, и военные технологии двойного назначения, которые могут быть адаптированы к гражданскому предназначению. Например, речь идет о тех технологиях, которые могут быть использованы для борьбы со стихийными бедствиями, техногенными катастрофами, негативными проявлениями в окружающей среде, вызванными обострением природных и социоприродных глобальных проблем.

Важным инструментом реализации инновационно-технологического потенциала гуманитарной направленности является модернизационная дипломатия. Данная разновидность дипломатии предусматривает выстраивание научного и научно-технологического сотрудничества с другими государствами. Конкретным проявлением дипломатии такого рода можно рассматривать сотрудничество в космической сфере¹⁶, в сфере энергетики и т.п.

Потенциал информационно-интеллектуальной защищенности реализуется при помощи образовательно-воспитательных, телекоммуникационных и компьютерных инструментов противодействия манипуляции сознанием, продвижение инициатив по формированию международного нормативно-правового регулирования сферы информационного и киберпространства. Особое внимание в данном случае уделяется кибербезопасности. В целях обе-

спечения безопасности в киберпространстве государства ставят перед собой задачи организовывать подобие учений – имитации кибернетических атак в учебных целях.

Потенциал глобального проектирования может проявляться в различных сферах международной жизни. Для примера возьмем финансовую сферу. В ней потенциал глобального проектирования представлен способностью государства, ориентируясь на свои долгосрочные экономические интересы, достигать кооперации с другими государствами по вопросам реформирования международной финансовой системы в целях повышения ее устойчивости. На уровне конкретных инструментов речь в данном случае идет о преобразовании существующих международных экономических институтов и создании качественно новых экономических и политико-экономических структур, призванных осуществлять более эффективное управление глобальными финансово-экономическими процессами (международные банки развития, международные стабилизационные фонды).

Иные форматы глобального проектирования могут обнаруживать себя по-разному. Это могут быть комплексные поисковые прогностические исследования, форсайт-проекты, использующие самые передовые технологии обработки данных. Это могут быть конкретные инициативы по созданию открытых и прозрачных международных клубов ученых, занимающихся глобальными исследованиями. Осуществляющиеся сегодня глобальные исследования зачастую многими критикуются именно из-за их односторонности и недостаточно объективности. Структуры же, которые их осуществляют, являются достаточно закрытыми и, как правило, не позволяют обычному человеку получить доступ к методологии проводимых ими исследований. Подобное положение дел не соответствует тем вызовам, которые стоят международным сообществам и должно быть качественно скорректировано в рамках реализации стратегии «разумной силы».

В современной мировой политике существует запрос на функцию «ответственного лидера». В данном случае речь идет о том, в мировой политике все шире используются двойные стандарты, односторонние подходы к одним проблемам мирового развития при полном игнорировании других. Стратегию «разумной силы» можно рассматривать в ключе если не полного преодоления использования двойных стандартов в мировой политике, но сведения этого использования к минимуму.

¹⁶ Лузин П. Космос как инструмент мягкой силы внешней политики России // Индекс безопасности. – №3-4 (102-103). – Т.18. – С. 203 – 208.

Ответственность в мировой политике в данном случае проявляется не только в готовности называть явления международной жизни своими именами, но также предполагает уважительное отношение к культурным нормам и религиозным чувствам других государств, знание и понимание истории других государств, готовность признать за другими государствами право на их собственную цивилизационную идентичность.

Стратегия «разумной силы», осознавая ограниченность имеющихся на планете ресурсов, высокий уровень взаимной зависимости, отказывается от логики гонки вооружений и переходит к логике формирования и поддержания в состоянии постоянной боеготовности компактных сверхсовременных сил, в количественном отношении соответствующих задачам оборонной достаточности.

«Разумная сила» в Концепции внешней политики России и внешнеполитической практике

В обновленной Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 года, присутствует целый ряд положений, позволяющих говорить о том, что внешнеполитическая стратегия России эволюционирует в сторону модели «разумной силы». Об этом говорят такие установки Концепции как «содействие становлению внеблоковых сетевых альянсов, активное участие в них России», содействие созданию «под эгидой ООН и других международных и региональных организаций эффективных структур взаимодействия по реагированию на стихийные бедствия и крупные техногенные катастрофы, другие чрезвычайные ситуации»¹⁷.

В Концепции также зафиксирован принцип обеспечения национальной и международной информационной безопасности. Информация безопасность, согласно документу, предполагает «предотвращение угроз политической, экономической и общественной безопасности государства, возникающих в информационном пространстве для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами в сфере применения информационно-коммуникативных технологий». Для российской дипломатии ставится задача «добиваться выра-

ботки под эгидой ООН правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности»¹⁸.

Еще один важный аспект «разумной силы», присутствующий в Концепции, связан с тем, что Россия начинает более активно и более творчески осмысливать свои пространственные возможности. В данном случае имеются в виду возможности для торгового и транспортного сотрудничества. Например, Северный морской путь рассматривается как национальная транспортная коммуникационная система России в Арктике, при этом открытая для международного судоходства на взаимовыгодной основе¹⁹.

Примером демонстрации реализации Россией стратегии «разумной силы» является современная международная политика России по вопросу урегулирования внутрисирийского конфликта. Международно-политическая инициатива России, касающаяся постановки сирийского химического оружия под международный контроль и последующего его уничтожения была озвучена министром иностранных дел России Сергеем Лавровым 9 сентября 2013 года. Данная инициатива смогла значительно снизить вероятность военной агрессии в отношении Сирии со стороны стран НАТО, продемонстрировала эффективность российской дипломатии на сирийском направлении, способствовала снижению уровня конфронтационности в российско-американских отношениях.

Как следствие, данная инициатива была достаточно высоко оценена на международной арене. Официально предложение России о передаче химического оружия в Сирии под международный контроль было поддержано США, Европейским Союзом, Японией, Израилем, Ираном, КНР, Организацией объединенных наций, Лигой арабских государств, Шанхайской организацией сотрудничества. К реализации инициативы России удалось подключить Организацию по запрещению химического оружия, а на уровне Совета Безопасности ООН – добиться принятия резолюции в поддержку плана ликвидации химического оружия.

Одновременно инициатива послужила значимым индикатором для характеристики действий сирийской оппозиции, которая отвергла российскую идею и выступила с однозначным требованием «ответа» стран Запада на действия

¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12.02.2013. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

«режима Асада», якобы применившего химическое оружие²⁰.

Представляется актуальным пояснить, почему российскую политику по выдвиганию и реализации инициативы в отношении Сирии мы рассматриваем именно как проявление «разумной силы». С одной стороны, инициатива является дипломатической, так как опирается на многосторонний переговорный процесс, в частности, в рамках международных конференций в Женеве, где принимают участие все заинтересованные стороны. В результате международной поддержки российской инициативы Сирия была интегрирована в правовую систему, установленную Конвенцией о запрещении химического оружия²¹. Таким образом, Россия на практике способствовала укреплению принципов международного права. При этом выдвигание Россией своей инициативы по Сирии сопровождалось нахождением специально созданной группой Средиземноморского оперативного соединения ВМФ России в Средиземном и Красном морях. Группировка приступила к выполнению поставленных задач с 1 июня 2013 года и параллельно постепенно наращивала свою численность по мере включения в ее состав кораблей различных классов, представляющих Северный, Черноморский, Балтийский, Тихоокеанский флоты²².

Весьма показательным в этом контексте также то, что в сентябре 2013 года российская система предупреждения о ракетном нападении в Армавире зафиксировала запуск двух баллистических ракет из акватории Средиземного моря. Данный запуск являлся частью испытаний системы ПРО, проводимых Израилем совместно с США²³. Тем самым была продемонстрирована оперативная боеготовность российского военного объекта. Таким образом «мягкая» дипломатическая составляющая инициативы была уравновешена усилением «жесткого» военного присутствием в зоне возможного конфликта.

²⁰ Предложение России по Сирии: реакция мирового сообщества // ИТАР-ТАСС, 10.09.2013. – <http://itar-tass.com/politika/674855>

²¹ В Организацию по запрещению химического оружия вступила Сирия, 14.10.2013. – http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=21731&d_no=70172-.Ut5KgyAgE08

²² Средиземноморская группировка ВМФ РФ приступила к выполнению задач // Российская газета, 06.06.2013. – http://ria.ru/defense_safety/20130606/941879484.html

²³ Израильская ракета-мишень вызвала панику в Кремле // Ино-СМИ, 03.09.2013. – <http://inosmi.ru/world/20130903/212576306.html>

В настоящее время российские вооруженные силы сохраняют свое военное присутствие в регионе. В конце января 2014 года экипажи российских и китайских военных кораблей, находящиеся в Средиземном море и обеспечивающие безопасность международной операции по транспортировке сирийского химического оружия, провели совместное тактическое учение по противодействию терроризму²⁴.

Отстаивая конструктивную позицию по Сирии, Россия продемонстрировала умение оперативно и взвешенно анализировать позиции своих внешнеполитических контрагентов, в первую очередь, Соединенных Штатов. Относительная неуверенность США по сирийскому вопросу, вызванная, в том числе, негативным отношением американской общественности к возможной очередной военной операции, внутренними экономическими проблемами Америки, была своевременно зафиксирована и использована российской стороной. Был учтен Россией также опыт голосования в британской Палате общин по вопросу военного удара по Сирии, состоявшегося 30 августа 2013 года, когда большинство депутатов отказало кабинету Дэвида Кэмерона в поддержке идеи военного удара. В результате реакция России на заявление госсекретаря США Джона Керри, касающееся того, что в случае разоружения Сирии США могут отказаться от проведения военной операции в этой стране, была практически мгновенной. Скорость российской реакции также продемонстрировала способность России получить быстрое согласие официального сирийского руководства на предлагаемый для него «разумный» вариант. Российская инициатива по химическому оружию практически сразу после ее оглашения была поддержана министром иностранных дел Сирии Валидом Муаллемом²⁵.

Отметим также, что внимание к предложению России по сирийскому вопросу возникло как у зарубежных политиков, так и простых граждан иностранных государств, в том числе, благодаря работе с зарубежной аудиторией, которую проводил российский международный телеканал «Russia Today» («RT»). «RT» к моменту

²⁴ Россия и Китай начали подготовку к совместным антитеррористическим учениям // КМ.RU, 12.02.2014. – <http://www.km.ru/world/2014/02/12/problems-oborony-i-bezopasnosti-v-mire/732151-rossiya-i-kitai-nachali-podgotovku-k->

²⁵ Сирия поддержала идею контроля над химоружием // Русская служба BBC, 09.09.2013. – http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/09/130909_syria_lavrov_statement.shtml

обострения споров по ситуации в Сирии, после вероятного применения химического оружия 21 августа 2013 года, являлся самым популярным иностранным англоязычным телеканалом в Великобритании, а также занимал второе место по популярности среди иностранных телеканалов после ВВС в США²⁶.

Сегодня процесс вывоза химического оружия из Сирии протекает достаточно медленно. Тем не менее, данный аспект не следует рассматривать в качестве слабого звена в российской инициативе. Задержки в транспортировке вызваны необходимостью всестороннего обеспечения безопасности перевозимых грузов²⁷. Поэтому критика России за медленную динамику процесса уничтожения сирийского химического оружия со стороны американской стороны в существующей ситуации повышенной нестабильности в Сирии не отличается конструктивностью²⁸.

Другой важный пример использования Россией «разумной силы» представлен реакцией на «шпионский скандал», связанный с правозащитной деятельностью бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности и Центрального разведывательного управления США Эдвард Сноуден, оказавшегося на территории России.

В истории с Э. Сноуденом Россией было продемонстрировано умелое использование экспертной дипломатии. Результатом заочной коммуникации Э. Сноудена в момент его нахождения в транзитной зоне аэропорта «Шереметьево» с руководством России стала организация встречи-брифинга бывшего агента АНБ с представителями российских правозащитных организаций²⁹. Россия, кроме того, показала умение эффективно использовать тактические просчеты своих внешнеполитических контрагентов. Речь идет о том, что Э. Сноуден не смог покинуть Россию именно потому, что его американский паспорт был аннулирован самими Соединенными

Штатами. Эти действия США сделали сам вылет Э. Сноудена из Москвы невозможным в принципе³⁰.

Предоставление Э. Сноудену временного убежища в РФ сроком на один год также представляется возможным рассматривать как достаточно гибкое для России решение, сохраняющее для нее свободу действий. Безопасность Э. Сноудену была гарантирована, однако, каких-либо обязательств в этой связи Россией на себя официально взято не было. Например, Россия поставила точку в разговорах о том, что Э. Сноуден в перспективе может быть обменен у Соединенных Штатов на какого-либо важного для нее российского гражданина. Россия, в частности, озвучила тезис о том, что между РФ и США, как следствие позиции, занимаемой самими Соединенными Штатами, отсутствует соглашение о выдаче³¹. Российский МИД указал на то, что департамент США, требуя выдачи Э. Сноудена, намеренно смешивает понятия экстрадиции и рутинной депортации иностранцев, нарушивших американские законы.

Организация пребывания Э. Сноудена в России не была связана с прекращением коммуникации последнего с внешним миром. В октябре 2013 года для Э. Сноудена была реализована возможность встретиться со своим отцом, Лоном Сноуденом, прилетевшим в Россию³². Данный пример как бы демонстрирует, что для России времена «железного занавеса» остались позади.

Сдержанная симпатия ряда российских правозащитников и политиков в отношении деятельности Э. Сноудена позволила России продемонстрировать международному сообществу собственное неприятие существующей американской системы тотального слежения. В то же время официальная реакция России не была чрезмерно импульсивной, что позволило не допустить эскалации напряженности в отношениях с Соединенными Штатами. Показательно в этой связи, что в январе 2014 года два члена парламента Норвегии выдвинули Э. Сноудена на Нобелевскую премию мира. Данный факт, как нам представляется, говорит о том, что принципиальность позиции

²⁶ Запад опасается мирового успеха RT // RT на русском, 14.03.2013. – <http://russian.rt.com/article/5727>

²⁷ Вывоз химического оружия из Сирии затягивается // Вести.ru, 05.02.2014. – <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1251155>

²⁸ Ответственность за уничтожение сирийского химоружия США возложили на Россию // Вести.ru, 11.02.2014. – <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1274538>

²⁹ Генюш С.В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – №5. – Т.5, 2012. – <http://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnaya-diplomatiya-grazhdanskoe-obschestvo-na-sluzhbe-vneshney-politiki>

³⁰ Сноуден не может покинуть Москву без паспорта // РИА-Новости, 30.06.2013. – <http://ria.ru/world/20130630/946689689.html>

³¹ После саммита G-20 Путин ответил на вопросы о Сноудене, «Уралкалии» и Олимпиаде // Newsru.com, 06.09.2013. – <http://www.newsru.com/russia/06sep2013/snowden.html>

³² Отец экс-сотрудника ЦРУ Лон Сноуден встретился с сыном // RBC, 11.10.20143. – <http://rbcdaily.ru/society/562949989204755>

Сноудена, касающейся права на частную жизнь, в мире скорее уважают, нежели критикуют³³.

Не будем забывать и о «жесткой» составляющей «разумной силы».

В целях проверки текущего состояния боеготовности российских вооруженных сил в 2013 году была проведена серия внезапных учений всех родов войск³⁴. В частности, учения, проведенные в июне 2013 года, стали самыми масштабными за последние 20 лет. В общей сложности в маневрах приняло участие 160 тыс. военнослужащих, более 100 самолетов, 1000 танков и около 70 кораблей³⁵. Помимо решения задач собственно боевой подготовки такого рода учения имеют важную демонстрационную функцию, что позволяет их отнести к инструментарию «разумной силы».

Заметем также, что 15 января 2013 года президентом России В. Путиным были подписаны документы, реализация которых призвана обеспечить кибербезопасность России. Речь идет об Указе «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации», а также «Основах государственной политики РФ в области международной информационной безопасности РФ на период до 2020 года»³⁶.

Задачи по созданию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, согласно обозначенному выше Указу, возложены на Федеральную службу безопасности России³⁷. Система должна обеспечить безопасность информационных и информационно-телекоммуникационных сетей, находящихся как на территории России, так и в дипломатических и консульских учреждениях РФ за рубежом.

³³ Эдвард Сноуден номинирован на Нобелевскую премию мира // МК.RU, 29.01.2014. – <http://www.mk.ru/social/article/2014/01/30/977785-edvard-snouden-nominirovann-na-nobelevskuyu-premiyu-mira.html>

³⁴ Военная ревизия. Россия вооружится по-умному // Вести недели, 01.12.2013. – <http://vesti7.ru/news?id=41804>

³⁵ В России проходят крупнейшие со времен СССР военные учения // Ино-ТВ, 14.06.2013. – <http://inotv.rt.com/2013-07-14/V-Rossii-prohodyat-krupnejshie-so>

³⁶ Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) // Вопросы кибербезопасности. – №1, 2013. – С. 2 – 9. – http://cnp.ru/doc/%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_1-2013.pdf – page=4

³⁷ Указ Президента Российской Федерации от 15 января 2013 г. №31. – <http://www.rg.ru/2013/01/18/komp-ataki-site-dok.html>

«Основы государственной политики РФ» в числе прочего закрепляют важнейшую установку внешней политики страны на продвижение на международной арене инициативы, касающейся интернационализации управления информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» и увеличения роли Международного союза электросвязи в сфере управления сетью «Интернет»³⁸.

Нам представляется, что сегодня в России созданы условия для выработки оптимальной внешнеполитической стратегии. В современных реалиях ускорения глобальных процессов и возросшей турбулентности отечественным исследователям и политикам необходимо действовать на опережение и стремиться предвидеть новые тенденции, запросы и вызовы – те вызовы, которые не являются до конца осознанными субъектами мировой политики сегодня, но будут ими осознаны завтра или послезавтра. Если придерживаться данной точки зрения, то совершенствование инструментария «мягкой силы» в контексте решения Россией стратегических внешнеполитических задач должно сопровождаться динамичным развитием инструментария «разумной силы». Как мы увидели из приведенного выше анализа, целый ряд начинаний в этом направлении российским политическим руководством уже сделан.

Стратегия «разумной силы», как нам представляется, является наиболее адекватной стратегией, направленной на конструктивное участие в системе коллективного глобального лидерства на современном этапе трансформации международной системы. Данная стратегия не предполагает установления гегемонии либо доминирования какого-либо одного государства в мировой системе. Стратегия «разумной силы» отдает приоритет построению многополярного мира, в рамках которого будет происходить сокращение геополитических рисков. Тем самым стратегия «разумной силы» призвана устранить характерный для «умной силы» перекося в сторону чрезмерной «жесткости» в международной деятельности. Стратегия «разумной силы» имеет своей прямой целью нахождение параллельных интересов в целях преодоления общих проблем и решения общих задач. Эти стратегические цели, как нам представляется, в долгосрочной перспективе отвечают не только интересам России, но и интересам международного сообщества в целом.

³⁸ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. – <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html>

Библиография:

1. Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века // Вопросы кибербезопасности (Часть 1).-№1, 2013. – С. 2 – 9.-http://cnp.ru/doc/%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_1-2013.pdf-page=4
2. Генюш С.В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование.-№5. – Т.5, 2012. – С.14 – 25.-<http://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnaya-diplomatiya-grazhdanskoe-obschestvo-na-sluzhbe-vneshney-politiki>
3. Костырев А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования.-№2, 2013. – С. 143-149.
4. Лузин П. Космос как инструмент мягкой силы внешней политики России // Индекс безопасности.-№3-4 (102-103). – Т.18. – С. 203 – 208.
5. Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования.-№4, 2009. – С. 149 – 155.
6. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI.-№ 10, 2004.-http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm
7. Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль.-№3/4 (1632), 2012. – С.43 – 59.
8. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27.02.2012.
9. Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? // Полис. Политические исследования.-№4, 2009. – С.173-178.
10. Фененко А.В. Войны шестого поколения // Международная жизнь.-№2, 2004.-<http://www.obraforum.ru/pdf/art1.pdf>
11. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. – Т. 9.-№1 (25), январь – апрель, 2011.-<http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/011.htm-note10>
12. Чихарев И.А., Столетов О.В. Методологические проблемы изучения новых движущих сил мировой политической динамики // Сборник научных трудов МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций. / Ред. и сост. вып. Ильин М. В., М., 2012.
13. Cui Liru China [s Rise vs. International Order Evolution // China Institutes of Contemporary International Relations, № 18 (1), 2008.-http://www.cicir.ac.cn/tbscms/module_gjgx/layernext.asp?rid=xdgigx_en&count=3&index0=16&index1=1
14. Nossel S. Smart Power // Foreign Affairs, March/April, 2004.-P. 131-142.
15. Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.-336 p.
16. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.-192 p.
17. Nye J.S. The war on soft power // Foreign policy, 12.04.2011.-http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/04/12/the_war_on_soft_power
18. Nye J. S. The future of power. – New York: PublicAffairs, 2011. – XVIII, 300 p.
19. Nye J.S. Cyber power // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. Cambridge, Mass., 2010.-30 p.
20. Raghavan V.R. Soft Power in the Asia Pacific // The Stanley Foundation, 31.05.2007.-csa-chennai.org/Files/softpower.pdf
21. Shashi Tharoor Indian Strategic Power: 'Soft' // Global Brief, 13 May, 2009.-<http://globalbrief.ca/blog/2009/05/13/soft-is-the-word/>
22. Song L. The Discourse of EU [s Power and its Mediterranean Policy // Fudan University.-P. 1 – 15.-www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/phd_school/6th.../Lilei.pdf
23. Манойло А.В. Вооруженный мятеж в Украине может стать для России последним тревожным звонком // NB: Международные отношения.-2014.-2.-С. 24-37. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.2.11137. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11137.html
24. Манойло А.В. О противодействии распространению идеологии «цветных революций» в университетской студенческой среде // Международные отношения.-2013.-4.-С. 420-423. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9755.
25. Т. П. Петрова Современное состояние внешнеполитических отношений России и Перу: проблемы и перспективы международного сотрудничества // Национальная безопасность / nota bene.-2012.-3.-С. 86-92.
26. Бородин Е.А. Центральная Азия как геостратегический проект, обеспечивающий долгосрочные интересы России // NB: Международные отношения.-2013.-3.-С. 1-17. DOI: 10.7256/2306-4226.2013.3.9090. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9090.html
27. Бородин Е.А. Республика Кыргызстан и возвращение России в Центральную Азию // Национальная безопасность / nota bene.-2013.-4.-С. 613-619. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.7751.
28. Гушер А.И. Вызовы и угрозы безопасности России // NB: Международные отношения.-2014.-1.-С. 64-75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
29. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения.-2013.-4.-С. 443-451. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.
30. Карпович О.Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США. // Право и политика.-2013.-№ 10.-С. 1295-1297. DOI: .10.7256/1811-9018.2013.10.9652.
31. Г. Ю. Филимонов, С. А. Цатурян. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием. // Политика и Общество.-2012.-№ 1.-С. 65-75.

References (transliterated):

1. Borodakii Yu.V., Dobrodeev A.Yu., Butusov I.V. Kiberbezopasnost' kak osnovnoi faktor natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti KhKhI veka // Voprosy kiberbezopasnosti (Chast' 1).-№1, 2013. – S. 2 – 9.-http://cnpo.ru/doc/%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_1-2013.pdf-page=4
2. Genyush S.V. Ekspertnaya diplomatiya: grazhdanskoe obshchestvo na sluzhbe vneshnei politiki // Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie.-№5. – T.5, 2012. – S.14 – 25.-<http://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnaya-diplomatiya-grazhdanskoe-obshchestvo-na-sluzhbe-vneshney-politiki>
3. Kostyrev A.G. «Razumnaya sila», obshchestvennaya diplomatiya i sotsial'nye seti kak faktory mezhdunarodnoi politiki // Polis. Politicheskie issledovaniya.-№2, 2013. – S. 143-149.
4. Luzin P. Kosmos kak instrument myagkoi sily vneshnei politiki Rossii // Indeks bezopasnosti.-№3-4 (102-103). – T.18. – S. 203 – 208.
5. Lyu Tszaiti «Myagkaya sila» v strategii razvitiya Kitaya // Polis. Politicheskie issledovaniya.-№4, 2009. – S. 149 – 155.
6. Nai Dzh. «Myagkaya» sila i amerikano-evropeiskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI.-№ 10, 2004.-http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm
7. Ponomareva E. Sekret'y «tsvetnykh revolyutsii». Sovremennyye tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov // Svobodnaya mysl'.-№3/4 (1632), 2012. – S.43 – 59.
8. Putin V.V. Rossiya i menyayushchiysya mir // Moskovskie novosti, 27.02.2012.
9. Stoletov O.V. Trendy transformatsii vlastnykh otnoshenii v mirovoi politike: smart power? // Polis. Politicheskie issledovaniya.-№4, 2009. – C.173-178.
10. Fenenko A.V. Voiny shestogo pokoleniya // Mezhdunarodnaya zhizn'.-№2, 2004.-<http://www.obraforum.ru/pdf/art1.pdf>
11. Chikharev I.A. «Umnaya moshch'» v arsenale mirovoi politiki // Mezhdunarodnye protsessy. – T. 9.-№1 (25), yanvar' – aprel', 2011.-<http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/011.htm-note10>
12. Chikharev I.A., Stoletov O.V. Metodologicheskie problemy izucheniya novykh dvizhushchikh sil mirovoi politicheskoi dinamiki // Sbornik nauchnykh trudov METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvedcheskikh distsiplin, Vyp. 1: Al'ternativnye modeli formirovaniya natsii. / Red. i sost. vyp. Il'in M. V., M., 2012.
13. Cui Liru China [s Rise vs. International Order Evolution // China Institutes of Contemporary International Relations, № 18 (1), 2008.-http://www.cicir.ac.cn/tbscms/module_gjgx/layerext.asp?rid=xdgigx_en&count=3&index0=16&index1=1
14. Nossel S. Smart Power // Foreign Affairs, March/April, 2004.-P. 131-142.
15. Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.-336 p.
16. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004.-192 p.
17. Nye J.S. The war on soft power // Foreign policy, 12.04.2011.-http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/04/12/the_war_on_soft_power
18. Nye J. S. The future of power. – New York: PublicAffairs, 2011. – XVIII, 300 p.
19. Nye J.S. Cyber power // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. Cambridge, Mass., 2010.-30 p.
20. Raghavan V.R. Soft Power in the Asia Pacific // The Stanley Foundation, 31.05.2007.-csa-chennai.org/Files/softpower.pdf
21. Shashi Tharoor Indian Strategic Power: 'Soft' // Global Brief, 13 May, 2009.-<http://globalbrief.ca/blog/2009/05/13/soft-is-the-word/>
22. Song L. The Discourse of EU [s Power and its Mediterranean Policy // Fudan University.-P. 1 – 15.-www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/phd_school/6th.../Lilei.pdf
23. Manoilo A.V. Vooruzhenniy myatezh v Ukraine mozhet stat' dlya Rossii poslednim trevozhnym zvonkom // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-2.-C. 24-37. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.2.11137. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11137.html
24. Manoilo A.V. O protivodeistvii rasprostraneniyu ideologii «tsvetnykh revolyutsii» v universitetskoj studencheskoj srede // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-4.-C. 420-423. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9755.
25. T. P. Petrova Sovremennoe sostoyanie vneshnepoliticheskikh otnoshenii Rossii i Peru: problemy i perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.-2012.-3.-C. 86-92.
26. Borodin E.A. Tsentral'naya Aziya kak geostrategicheskii proekt, obespechivayushchii dolgosrochnye interesy Rossii // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-3.-C. 1-17. DOI: 10.7256/2306-4226.2013.3.9090. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9090.html
27. Borodin E.A. Respublika Kyrgyzstan i vozvrashchenie Rossii v Tsentral'nyu Aziyu // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.-2013.-4.-C. 613-619. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.7751.
28. Gusher A.I. Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-1.-C. 64-75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
29. Filimonov G.Yu. Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-4.-C. 443-451. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.
30. Karpovich O.G. «Myagkaya sila» v global'nykh koordinatakh vneshnei politiki SShA. // Pravo i politika.-2013.-№ 10.-C. 1295-1297. DOI: .10.7256/1811-9018.2013.10.9652.
31. G. Yu. Filimonov, S. A. Tsaturyan. Sotsial'nye seti kak innovatsionnyy mekhanizm «myagkogo» vozdeistviya i upravleniya massovym soznaniem. // Politika i Obshchestvo.-2012.-№ 1.-C. 65-75.